

rocketbook

САРА ГРУЭН

Дом обезьян

Сара Груэн Дом обезьян

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6900221

Сара Груэн. Дом обезьян: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-72194-8

Оригинал: Sara Gruen, "Ape House"

Перевод:

Илона Русакова

Аннотация

Нигде так не проявляется человеческий характер, как в отношении к животным — ведь они как дети: беззащитны и при этом чутко реагируют на ложь, не прощают предательства.

Исабель обожала своих подопечных — человекообразных обезьян бонобо. Она изучала их повадки, с помощью специальной лингвистической программы разговаривала с ними. Ей было с ними интересно, это был ее мир, который она не променяла бы ни на что на свете. Все рухнуло после чудовищного взрыва в лаборатории, который устроили люди, пытающиеся нажиться на бонобо. Для них питомцы Исабель — забавные зверушки, на которых можно беззастенчиво пялиться и продавать их за деньги.

Но Исабель, чудом выжившая после взрыва, не намерена сдаваться — бонобо надо во что бы то ни стало вернуть в лабораторию. Надо стиснуть зубы, забыть, что ее совсем недавно в буквальном смысле слова собрали по кускам, что человек, которому она верила, ее предал, и — бороться. Потому что мы в ответе за тех, кто нам верит.

Содержание

1	4
2	10
3	18
4	28
5	34
6	39
7	44
8	46
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Сара Грузн Дом обезьян

Всем человекообразным обезьянам, и особенно Панбанише

1

Самолет еще только оторвался от земли, а Осгуд, фотограф, уже мирно похрапывал. Его место было в центре ряда между Джоном Тигпенем и женщиной в кофейного цвета чулках и удобных туфлях на низком каблуке. Осгуд кренился в сторону последней. Женщина опустила подлокотник и постепенно сливалась со стеной. Осгуд пребывал в счастливом неведении. Джон глянул в его сторону и почувствовал укол зависти. Их редактор в «Филадельфия инквайер» не любила оплачивать отели и настояла на том, чтобы посещение Лаборатории по изучению языка человекообразных обезьян заняло ровно один день. Поэтому, несмотря на то, что Джон, Кэт и Осгуд все вместе были на новогодней вечеринке, в шесть утра того же дня они уже летели в Канзас-Сити. Джон был бы рад прикорнуть на несколько минут, даже рискуя при этом прижаться к Осгуду, но ему надо было распечатать свои записи, пока детали не ускользнули из памяти.

Колени Джона не умещались в предоставленное пространство, и он развернул их в проход. Кэт сидела у него за спиной, так что о том, чтобы откинуть спинку кресла, нельзя было и мечтать. Он прекрасно представлял себе, в каком она настроении. В ее распоряжении оказался весь ряд — невероятная удача, — однако она только что попросила стюардессу принести двойной джин-тоник. Очевидно, трех свободных кресел недостаточно, чтобы компенсировать перенесенную травму, — вместо ожидаемого знакомства с шестью человекообразными обезьянами Кэт вынуждена была весь день изучать лингвистические тексты. Она, конечно, постаралась заранее справиться с симптомами простуды, а остаточные явления выдать за аллергию, но все напрасно — Исабель Дункан, ученый, которая их встречала, мгновенно все поняла и отослала ее на факультет лингвистики. Кэт пустила в ход свои знаменитые чары, которые придерживала для самых крайних случаев, но Исабель была непреклонна. У бонобо и человека девяносто восемь и семь десятых процента совпадений ДНК, сказала она, то есть они уязвимы для одних и тех же вирусов. И она не может рисковать, тем более что одна из бонобо беременна. К тому же на факультете лингвистики появились очень интересные данные о системе голосовых сигналов у бонобо. В результате больная, разочарованная и расстроенная Кэт провела день в Блэйк-Холле, пытаясь усвоить информацию о динамике формы и движений языка, в то время как Джон и Осгуд гостили у обезьян.

— Вы же все равно были за стеклом, так? — возмущалась Кэт в такси на обратном пути в аэропорт.

Она втиснулась между Осгудом и Джо; и тот и другой смотрели каждый в свое окно, тщетно стараясь избежать контакта с микробами.

— Не понимаю, как я могла чем-нибудь заразить их через стекло. Если бы она попросила, я бы встала в дальнем конце комнаты. Черт, да я бы противогаз надела. — Кэт сделала паузу, чтобы впрыснуть африн в обе ноздри, а потом мощно высморкалась в бумажный платок. — Вы хоть представляете, через что я сегодня прошла? — продолжила она. — Они щебечут на каком-то особом языке. Хватило одного «дискурса», чтобы сразу выбить меня из колеи. Дальше, насколько я помню, были то «пример неклишированного высказывания», то «морально допустимая модальность» и прочая бла-бла-бла.

На «бла-бла-бла» Кэт энергично взмахнула руками, причем в одной она держала бутылочку с африном, в другой — смятый носовой платок.

— Когда речь дошла до «системы лексических связей», я практически перестала их понимать. Будто слушаешь вонючего болтливого дядюшку. Да неужели же они рассчитывают, что я смогу превратить это в материал для газеты?

Узнав, как распределены места на обратный путь, Джон и Осгуд с облегчением переглянулись. Джон не знал, что именно вынес из сегодняшнего опыта Осгуд — они ни секунды не оставались наедине, — но сам он чувствовал, что нечто важное.

У него состоялся настоящий разговор с человекообразными обезьянами. Он говорил на английском, а они отвечали ему на американском языке жестов. Это было особенно примечательно, потому что из этого следовало, что они владеют обоими языками. Одна из обезьян, Бонзи, могла общаться с помощью компьютера, используя специально разработанный набор лексиграмм, стало быть, знала даже три. За одно посещение Джон не смог понять всю сложность природного языка обезьян, но они отчетливо продемонстрировали способность передавать голосом конкретную информацию. Например, сообщали о вкусе йогурта или о местонахождении спрятанных предметов, даже если не имели возможности видеть друг друга. Когда он смотрел им в глаза, у него ни на секунду не возникало сомнений, что перед ним понимающие, разумные существа. Это было совсем не похоже на рассматривание животных через прутья клетки в зоопарке, и это настолько глубоко изменило его восприятие мира, что он до сих пор не мог выразить это словами.

Одобрение Исабель Дункан было лишь первым шагом на пути к дому обезьян. После того как Кэт была отправлена в Блэйк-Холл, Осгуда и Джона отвели в административный офис, где пришлось ждать результата переговоров с обезьянами. Джон к тому времени уже узнал, что последнее слово остается за бонобо, и еще ему сказали, что те славятся непостоянством — за два года они разрешили войти к себе в дом только половине добывающихся этого визитеров. Учитывая все это, Джон постарался по возможности повысить свои шансы до максимума. В Интернете он изучил вкус каждой обезьяны и для каждой персонально купил рюкзак, куда сложил их любимые лакомства и игрушки — резиновые мячи, флисовые одеяла, ксилофоны, разборных человечков из серии «Мистер Картофельная Голова», всякие вкусности и все то, что, на его взгляд, могло показаться им забавным. Потом написал Исабель Дункан по электронной почте и попросил передать бонобо, что везет им подарки. Несмотря на эти приготовления, когда Исабель вернулась, проконсультировавшись с обезьянами, Джон почувствовал, что на лбу у него выступили капельки пота. Исабель принесла весть, что обезьяны не только позволили им с Осгудом зайти в гости, но даже настаивали на этом.

Потом она провела их в зону наблюдения, которая была отгорожена от зоны обитания бонобо стеклянной перегородкой. Исабель взяла рюкзаки, исчезла в коридоре и появилась по другую сторону перегородки и там передала рюкзаки обезьянам. Джон с Осгудом наблюдали за тем, как бонобо распаковывают их дары. Джон стоял так близко к перегородке, что буквально упирался лбом и носом в стекло. Он даже забыл о существовании перегородки, поэтому, когда на свет были извлечены «М&М» и Бонзи кинулась к нему с поцелуями, он чуть не рухнул на спину.

Джон уже знал, что у бонобо разные вкусовые предпочтения (например, излюбленным лакомством Мбонго был зеленый лук, а слабостью Сэма — горошек), но все равно был поражен, насколько они отличаются друг от друга, насколько они «по-человечески» разные. Бонзи, матриарх и неоспоримый лидер, была спокойной, уверенной и рассудительной, если не брать в расчет страсть к «М&М». Сэм, старший самец, — дружелюбен и харизматичен и абсолютно уверен в своем магнетизме. Джелани, молодой самец, оказался беззастенчивым хвастуном с неисчерпаемым запасом энергии, он обожал запрыгивать на стену, а потом

кувырком лететь вниз. Макена, беременная бонобо, была без ума от Джелани, но ее любовь также простиралась на Бонзи. Любовь выражалась в продолжительных периодах чистки, она могла подолгу сидеть и тихо копать в волосах старшей обезьяны, в результате чего растительности на голове Бонзи было заметно меньше, чем у остальных сородичей. Детеныш Лола была просто прелестна, но в то же время — самая настоящая хулиганка. Джон своими глазами видел, как, пока Сэм отдыхал, она выдернула у него из-под головы одеяло и тут же с криками: «Плохой сюрприз! Плохой сюрприз!» — бросилась под защиту к Бонзи. По словам Исабель, у бонобо покушение на порядок в чужом гнезде — наисерьезнейший проступок. Но существовало еще одно правило, совершенно непререкаемое, — в глазах матери детеныш бонобо не может совершить проступок в принципе. Мбонго, еще один взрослый самец, был меньше Сэма и с более чувствительной натурой. Он отказался общаться с Джоном, после того как тот ненароком неверно интерпретировал правила игры «Охота на монстров». Мбонго был в маске гориллы, а Джон, решив, что обезьяна демонстрирует акт устрашения, позволил ему себя преследовать. К несчастью, никто не предупредил Джона, а ему и в голову не пришло, что Мбонго в маске, и когда тот в конце концов ее снял, он рассмеялся. Это настолько выходило за всякие рамки, что Мбонго повернулся к Джону спиной и с этого момента знать его не желал. Исабель удалось его все-таки развеселить, она-то играла правильно, но до конца визита Мбонго не шел ни на какой контакт с Джоном. У Джона осталось ощущение, будто он ударил ребенка.

— Простите.

Джон поднял голову и увидел в проходе человека, которому его ноги мешали пройти. Он придвинул ноги к Осгуду, тот недовольно хрюкнул. Когда человек прошел, Джон снова выставил ноги в проход, и тут его взгляд упал на сидящую через три ряда женщину. Женщина читала книгу. Джон узнал обложку и сразу почувствовал прилив адреналина. Это был дебютный роман его жены, правда, с недавних пор она запретила ему использовать это определение, поскольку все клонилось к тому, что первый роман будет и последним. Когда «Речные войны» только вышли в свет, а Джон с Амандой были полны надежд, они выдумали термин «наблюдение в дикой природе», он был заготовлен для случайного человека, обнаруженного за чтением книги Аманды. До сих пор такая возможность рассматривалась чисто теоретически. Джону хотелось бы, чтобы жена испытала это первой. Ей отчаянно нужна была поддержка, ее было необходимо подбодрить, а Джон уже готов был признать, что в этом вопросе он бессилён. Он поискал взглядом стюардессу, она оказалась в кухонном отсеке, тогда он быстро достал сотовый, привстал в кресле и сделал снимок.

Вернулась тележка с напитками, Кэт купила еще одну порцию джина, Джон заказал кофе, а Осгуд продолжал утробно храпеть, хотя человек, служивший ему подушкой, злобно на него зыркал.

Джон достал лэптоп и открыл новый файл.

«Внешне похожи на шимпанзе, только более худые, конечности у них длиннее, нос более приплюснут. Черные или темно-серые морды, губы — розовые. Черные волосы с прямым пробором. Глаза выразительные. Голос резкий и высокий. Отношения матриархальные, эгалитарные, миролюбивые. Чрезвычайно любвеобильны. Крепкие связи между самками».

Хоть Джон и знал кое-что об импульсивности бонобо, все же в первые минуты их частые сексуальные контакты, в особенности между самками, его шокировали. Быстрое поглаживание гениталий было для них таким же обычным делом, как рукопожатие среди людей. В какие-то моменты это было предсказуемо, например, перед тем как они делились

едой, но в большинстве случаев Джон не мог понять ни причин, ни закономерности подобного поведения.

Джон пил кофе и размышлял. Первым делом надо было записать интервью с Исабель, пока он еще мог вспомнить и откомментировать не выраженные словами детали — ее жесты и мимику и моменты неожиданные и милые, когда она переходила на язык жестов. Джон подключил наушники к диктофону и начал печатать.

И. Д.: Так, значит, сейчас мы будем говорить обо мне?

Д. Т.: Да.

И. Д. (*нервно смеется*): Великолепно. А мы не можем поговорить о ком-нибудь другом?

Д. Т.: Нет. Извините.

И. Д.: Этого-то я и боялась.

Д. Т.: Итак, что побудило вас заняться подобной работой?

И. Д.: Я училась вместе с Ричардом Хьюзом, это основатель нашей лаборатории. Он кое-что рассказывал о своей работе, и я почувствовала невероятный интерес к этому делу.

Д. Т.: Он недавно умер, не так ли?

И. Д.: Да. (*Пауза.*) Рак поджелудочной железы.

Д. Т.: Примите мои соболезнования.

И. Д.: Спасибо.

Д. Т.: Но вернемся к вашей учебе. Что вы изучали? Лингвистику? Зоологию?

И. Д.: Психологию. Психологию поведения.

Д. Т.: И диплом защитили по этой теме?

И. Д.: Первый — да. Вообще-то вначале я думала, что это поможет мне понять моих родных... Подождите, это можно стереть?

Д. Т.: Что стереть?

И. Д.: Кусок о моей семье. Вы можете его убрать?

Д. Т.: Конечно. Без проблем.

И. Д. (*заметно, что испытывает облегчение*): Уфф, спасибо. Хорошо, так вот, сначала я была молоденькой первокурсницей совсем без мозгов, потом услышала о проекте с человекообразными обезьянами и заинтересовалась. А когда увидела их, я уже не представляла, что смогу посвятить свою жизнь чему-нибудь другому. Честно говоря, я не могу объяснить это толком. Я упрасивала, просто умоляла доктора Хьюза, чтобы он дал мне хоть какую-нибудь работу, любую. Я была готова мыть полы, чистить туалет, стирать, все что угодно, лишь бы быть рядом с ними. Просто они... (*Долгая пауза, задумчивый взгляд в пустоту*). Не знаю, смогу ли я это описать. Просто это... так. Я чувствую, я уверена, что мое место здесь.

Д. Т.: Значит, он принял вас на работу.

И. Д.: Не сразу. (*Смеется.*) Доктор Хьюз сказал, что, если я за лето пройду полный курс лингвистики, прочитаю все его работы и вернусь, бегло владея языком жестов, он подумает.

Д. Т.: И вы все это сделали?

И. Д. (*кажется удивленной*): Ну да. Сделала. Это было самое трудное лето в моей жизни. С таким же успехом можно предложить человеку за четыре месяца выучить японский. Американский язык жестов — уникальный язык с уникальным синтаксисом. Обычно он контекстуально детерминирован, но, как и в английском, возможны варианты. Например, вы можете сказать (начинает жестикулировать) — вчера я ел вишню, или вы можете сказать — вчера ел вишню я. Но это не значит, что в американском языке жестов отсутствует жесткий порядок слов — подлежащее-сказуемое-дополнение. Просто в нем не используются глаголы длежащего состояния.

Д. Т.: Вы меня запутали.

И. Д. (*смеется*): Извините.

Д. Т.: Итак, вы вернулись, сразили его наповал, и он принял вас на работу.

И. Д.: Не знаю насчет сразила...

Д. Т.: Расскажите про обезьян.

И. Д.: Что вы хотите услышать?

Д. Т.: Сегодня я видел с ними вас, потом говорил с ними сам, а потом умудрился даже оскорбить одну из них, и это было для меня настоящим открытием.

И. Д.: Он вас простил.

Д. Т.: Нет, не простил. Но отдаете ли вы себе отчет, насколько все это странно для обычного, среднего человека? Сама мысль, что в процессе общения ты можешь оскорбить животное, и животное будет решать — прощать тебя или не прощать? И, возможно, решение будет отнюдь не в твою пользу. То, что ты можешь беседовать с обезьянами не на каком-нибудь, а на человеческом языке, и они общаются с тобой, просто потому что хотят этого?

И. Д.: Боже правый, кажется, вы поняли!

Д. Т.: Полагаю, я это заслужил.

И. Д.: Простите. Но именно в этом смысл нашей работы. Обезьяны овладевают языком через непосредственное общение и благодаря желанию контактировать с людьми, точно так же, как человеческие дети. Но я бы хотела пойти дальше.

Д. Т.: То есть?

И. Д.: У бонобо есть свой язык. Вы видели это сегодня — Сэм сообщил Бонзи, где спрятаны ключи, хотя они были в разных комнатах и не могли видеть друг друга. Бонзи не стала искать, а сразу пошла за ключами. Скорее всего мы никогда не сможем освоить их систему сигналов, так же как они не смогут пользоваться разговорным английским. У нас слишком разные речевые аппараты, и, как мы думаем, причина — в генной последовательности HAR1. Но я считаю — пришло время попытаться расшифровать язык бонобо.

Д. Т.: А секс?

И. Д.: Что — секс?

Д. Т.: Просто его так много. И они такие... виртуозы в этом деле. Понятно, что они занимаются этим не ради продолжения рода.

И. Д.: Абсолютно верно. Бонобо, а также дельфины и люди — единственные из известных нам животных, которые занимаются сексом ради удовольствия.

Д. Т.: Зачем они это делают?

И. Д.: А вы?

Д. Т.: Ох... Ладно, идем дальше.

И. Д.: Нет уж, простите. Это не пустой вопрос. Мы полагаем, что для них это способ снять напряжение, разрешить конфликт, так они подтверждают дружбу, при этом размер клитора у самок тоже имеет значение, как и то, что их сексуальная восприимчивость не зависит от периода течки. Формирует это или отражает культуру бонобо — по этому вопросу в ученом мире нет единого мнения, но известно несколько факторов, которые имеют отношение к их сексуальности. В ареале их обитания пища в изобилии, таким образом, самки не конфликтуют из-за того, чтобы накормить детенышей. У них формируются крепкие дружеские связи, а сами они организуются в группы, чтобы корректировать агрессивных самцов. Агрессивность уходит из генофонда бонобо, и самцы в отличие от самцов шимпанзе не практикуют детоубийство. Возможно, это происходит потому, что самец понятия не имеет, какой из детенышей его. А может, самцам, которых допускают к воспитанию потомства, это безразлично, и эта особенность передается следующим поколениям. А может, так происходит потому, что самки могут просто разорвать самца в клочья. Как я уже вам сказала, в ученом мире нет по этому поводу единого мнения.

Д. Т.: Как вы считаете, обезьяны знают, что они обезьяны, или они думают, что они люди?

И. Д.: Они знают, что они обезьяны, но я не считаю, что это означает то, что вы думаете.

Д. Т.: Поясните.

И.Д.: Они знают, что они бонобо, и знают, что мы люди, но это не предполагает ни превосходства, ни преимуществ, ни чего-нибудь еще в этом роде. Мы, все мы, сотрудничаем. Можно сказать, мы — семья.

Джон отключил диктофон и закрыл крышку ноутбука. Ему хотелось бы развить линию о семье Исабель, но коль скоро она сразу от нее отказалась, он не стал настаивать. Очень интересно, что позднее она назвала своей семьей бонобо. Может быть, в следующем интервью она будет откровеннее. Между ними определенно возникла какая-то связь, он даже сперва испугался, что эта связь перерастет во флирт, но с каждым пройденным вместе шагом это тревожило его все меньше. Вне всяких сомнений, Исабель была привлекательной женщиной — стройная и спортивная, длинные, почти до талии, прямые светлые волосы. Но при этом красота ее была естественной и совсем не легкомысленной — она не пользовалась косметикой, не носила никаких украшений, и Джону казалось, что она даже не осознает собственной привлекательности. Дружеское расположение, так можно было бы определить чувства, которые они испытывали друг к другу, и Джон надеялся, что когда-нибудь Исабель откроется и поведаст ему сложную историю своей семьи. Читатели любят такого рода подробности, хотя даже в этом куске было достаточно многообещающих моментов. Исабель сделала еще один любопытный комментарий, когда надела маску гориллы и продемонстрировала Джону, как правильно играть в «Охоту на монстров». После того как она «поймала» Мбонго, они катались по полу, щекотали друг друга и смеялись. Ее смех звучал высоко и громко, смех бонобо больше походил на тихий свист, но на физиономии было ясно написано — он смеется. Они устроили такую свалку, что Джон был просто потрясен, он знал, что работа с человекообразными обезьянами — чрезвычайно опасное занятие. Конечно, он читал, что бонобо отличаются от других обезьян, но все равно не ожидал, что Исабель настолько близка с ними физически. Должно быть, его изумление не осталось незамеченным, потому что, когда игра закончилась, Исабель сказала: «С годами они становятся все ближе к человеку, а я — к бонобо». И в этот момент Джон ощутил нечто вроде понимания, ему как будто позволили на секунду подсмотреть что-то в щелку.

2

Исабель заглянула в дверной проем и издали обследовала тележки с обедом. Никто не обратил на нее внимания, только двухлетняя Лола кинула быстрый взгляд в ее сторону. Тоненькая, как все детеныши бонобо, она висела на Бонзи, ухватившись за ее шею и грудь, и то хватала материнский сосок губами, то позволяла ему выскользнуть.

Бонобо лениво развалились в сооруженных из одеял гнездах и смотрели «Грейсток: Легенда о Тарзане, повелителе обезьян».

Бонзи к построению гнезда относилась педантичнее всех, использовала она всегда ровно шесть одеял, складывала их в форме водоворота и подворачивала так, чтобы внешний край получился толстым и мягким. Исабель, которая сама была склонна к педантизму, любила наблюдать за тем, как Бонзи, прежде чем похлопать себя по груди раскрытыми ладонями и дать знак Лоле «иди ко мне, малыш», старательно укладывает и подтыкает одеяла.

Джелани и Макена голова к голове лежали на своих одеялах, в поисках воображаемых насекомых они длинными пальцами лениво обследовали физиономии и грудь друг у друга. Когда Джон Клейтон, седьмой граф Грейсток, обнял мисс Джейн Портер и полупрозрачная ночная сорочка соскользнула с ее плеч, они приподняли головы и томно поцеловались.

Сэм лежал на спине, положив руки под голову и закинув ногу на ногу, и покачивал ступней. Он только что закончил объедать арбузную корку и теперь выковыривал из зубов остатки сладкой мякоти. Мбонго устроил свое гнездо в противоположном углу комнаты. Его рюкзак увеличился в объеме, и он плотно обернул его одеялом, чтобы Сэм не заметил ничего подозрительного. Дело в том, что Мбонго, едва получив свой мяч, сразу его проколол и поэтому «позаимствовал» мяч у Сэма. Мбонго сверкал впечатляющего вида клыками и нервно поглядывал то на Сэма, то на укрытое под флисовым одеялом сокровище, потом он приподнял уголок одеяла, заглянул под него и сразу поскорее снова «замаскировал» раздувшийся рюкзак. Он так радовался своему секрету, что было ясно: пройдет еще немного времени — и Сэм все поймет.

Исабель не хотела мешать просмотру фильма и тихо, без слов, по одной укатила пустые тележки из комнаты в кухню. Там она выбросила из пластиковых мисок остатки фруктов и овощей в мусорное ведро, в то время как девятнадцатилетняя Селия, интерн с волосами цвета маджента, складывала их в стопки. Наконец, когда Исабель помыла руки, Селия спросила:

— Ну и как прошел визит больших гостей?

— Хорошо, — ответила Исабель. — Много разговоров, много фотографий. У фотографа была цифровая камера, так что частично я их просмотрела.

— Знакомые лица?

— Они из «Филадельфия инквайер». Кэт Дуглас и Джон Тигпен. Заканчивают серию репортажей о человекообразных обезьянах.

Селия фыркнула.

— Женщина-кошка и Мужчина-хрюшкен! Вот это да! Ну а как обезьяны к ним отнеслись?

— Я только Джона пропустила. Женщина оказалась простужена, так что я отослала ее к лингвистам.

— Дэвид и Эрик были в лаборатории? В Новый год?

— У них там появился новый анализатор диапазона, с ним никакой Новый год не сравнится.

— И как все прошло?

Исабель улыбнулась, глядя на тарелку, которую держала в этот момент в руках.

— Скажем так — теперь я у них в долгу. Эта женщина способна стать настоящей проблемой.

— Ха! А Мужчина-хрюшкен владеет языком жестов?

— Его зовут Джон. Нет, не владеет. Я переводила ему их ответы. — Исабель выдержала паузу и добавила: — Почти все.

Селия приподняла одну из украшенных пирсингом бровей.

— Мбонго назвал его «грязный плохой туалет», — пояснила Исабель. — Пришлось это немного перефразировать.

Селия рассмеялась.

— И чем же он это заслужил?

— Игра в «Охоту на монстров» прошла просто ужасно.

Селия вертела в руках пластиковую тарелку и разглядывала ее под разными углами, пытаясь определить — помыта она или вылизана.

— Мужчина-хрюшкен и не мог хорошо играть через стекло.

— Все было гораздо хуже. Но мы показали ему, как это делается, — сказала Исабель. — «Охоту на монстров», «Ужасную щекотку», «Поиски яблок» — все показали. Фотограф был счастлив.

— Питер сегодня приходил?

«Вот так поворот», — подумала Исабель и украдкой взглянула на Селию.

Девушка смотрела на раковину, уголок губ чуть приподнялся в усмешке. Видимо, за прошедшие сутки в какой-то момент доктор Бентон стал для интерна Питером.

— Нет, я его не видела, — осторожно ответила Исабель.

Накануне на новогодней вечеринке Исабель, что было совсем на нее не похоже, быстро «вышла из строя». Виной тому были ужин (четыре крохотных кубика сыра) и три крепких коктейля. «Это «Гленда Бенда!»» — пояснил хозяин вечеринки и муж Гленды, передавая ей бокал с ледяной голубой жидкостью. Обычно Исабель не пила — на самом деле в этот вечер она, чтобы не идти в гости с пустыми руками, купила свою первую бутылку водки, но это была первая после смерти Ричарда Хьюза вечеринка коллектива Лаборатории по изучению языка человекообразных обезьян, и все старались изобразить веселье. Это было мучительно. Исабель пыталась держаться, но, когда она забрела в туалетную комнату и увидела в зеркале свое раскрасневшееся от алкоголя лицо, впечатление было сильнее, чем предполагаемый ужас от маски гориллы в «Охоте на монстров». Она увидела раннюю версию собственной матери. Исабель не привыкла пользоваться косметикой и умудрилась размазать по щеке губную помаду. Волосы, которые раньше были аккуратно зачесаны назад, распались на отдельные пряди. Чтобы не пасть еще ниже, она выплеснула остатки третьей «Гленды Бенды» в раковину, смыла голубоватые кубики льда водой из крана. Питер, который был не только преемником доктора Хьюза, но еще и женихом Исабель, обнаружил ее в коридоре. Босая, она медленно оседала по стене на пол, а туфли на высоком каблуке болтались в руке. Увидев Питера, она расплакалась.

Он присел на корточки и приложил ладонь к ее лбу. Взгляд у него был озабоченный. Потом ушел наверх и вернулся с мокрой холодной салфеткой. Этой салфеткой он промокнул ей лицо.

— Ты уверена, что с тобой все в порядке? — спросил он позже, помогая ей сесть в такси. — Давай я поеду с тобой.

— Все в порядке, — заверила она и тут же высунулась из машины.

Ее вырвало. Водитель с тревогой наблюдал за происходящим в зеркало заднего вида. Питер поддернул брюки и осмотрел свои ботинки, потом пристально посмотрел на Исабель. Брови его сошлись к переносице, лоб наморщился. Он помолчал и пришел к решению.

— Я еду с тобой, — заявил он. — Подожди, только за пальто схожу.

— Нет, правда все в порядке.

Исабель порылась в сумочке в поисках платка. Ей было не по себе от того, что он видит ее такой.

— Оставайся, — настойчиво попросила она и махнула рукой в сторону вечеринки. — Со мной все будет хорошо. Оставайся и позвони в новом году.

— Ты уверена?

— Абсолютно, — она шмыгнула носом, кивнула и расправила плечи.

Он какое-то время молча смотрел на нее, а потом сказал:

— Пей больше воды. И прими тайленол.

Исабель кивнула. Даже под действием алкоголя она видела, что он колеблется — целовать ее или нет. Она сжалась и захлопнула дверцу, прищемив при этом подол своего платья, и махнула водителю, чтобы тот ехал.

Исабель и представления не имела, что происходило на вечеринке после ее отъезда. Вечеринка не была романтической, но определенная траектория все же чувствовалась. Завуалированная печаль, неисчерпаемые запасы алкоголя плюс недовольство некоторыми назначениями Питера создавали странную и непредсказуемую атмосферу. Питер работал в лаборатории всего год, и некоторые считали, что этот пост должен занимать человек, связанный с проектом гораздо дольше.

Прошло уже около двадцати часов, а Исабель все еще мутило. Она прислонилась животом к раковине и еще раз украдкой взглянула на Селию. Несмотря на то что стоял январь, девушка, как ни странно, ходила в оранжевом вязаном жилете, через который просвечивал ярко-красный лифчик, и весь ее роскошный татуаж от плеча до кисти был выставлен напоказ. Исабель бы нисколько не удивило, если бы Селия предприняла на вечеринке маневры определенного свойства. Немного танцев, немного флирта, возможно, даже попытка под конец одарить Питера полуночным поцелуем.

Исабель вздохнула. Они с Питером еще не обнародовали свои отношения, и она не могла рассматривать это как что-то личное. Прошло всего несколько дней с тех пор, как Питер сделал ей предложение. Этому предшествовал лишь краткий период ухаживаний. Никогда еще Исабель не сдавала свои позиции так быстро и так бесповоротно, но по разным причинам, включая его жестокую битву за опеку над детьми с бывшей женой и беспокойство по поводу того, как это воспримут коллеги, Питер считал, что до тех пор, пока они не съедутся, не стоит афишировать отношения. Кроме того, и Селия, конечно, об этом не знала, Питеру она не нравилась.

Селия перестала очищать раковину от овощных шкурок.

— Что? — спросила она и оглядела свою руку.

Исабель поняла, что стоит, уставившись на татуировку Селии. Она перевела взгляд на посуду.

— Ничего, просто голова болит.

Из-за угла появилась Бонзи и, ступая на все четыре лапы, приблизилась к ним. Верхом на ней в позе жокея, вцепившись тоненькими пальцами в мамины плечи, сидела Лола.

Селия глянула через плечо и крикнула:

— Бонзи, ты пробовала поцеловать гостя?

Бонзи счастливо улыбнулась, села на попу и, оттолкнувшись от пола ногой, крутнулась вокруг оси. Потом прикоснулась пальцами к губам, к щекам, после чего скрестила руки на груди и знаками показала: «Целуй, целуй, Бонзи любит».

Селия рассмеялась.

— А Мбонго что? Он тоже полюбил гостя?

Бонзи подумала немного, потом почесала подбородок, опустила руку и показала: «Грязно плохо! Грязно плохо!»

— Мбонго думает, что гость — тупая задница? — продолжала выпрашивать Селия, складывая чистую посуду в стопки.

— Селия! — перебила ее Исабель. — Следи за языком!

Именно по этой причине Питер совсем не обрадовался, когда доктор Хьюз из полудюжины достойных кандидатов выбрал именно Селию и приветил ее в интернатуре. Его беспокоила ее невоздержанность на язык. Если кто-то из бонобо выучит эти оскорбительные словосочетания и необходимое число раз употребит их в правильном контексте, они войдут в их лексикон. Одно дело, когда бонобо по собственной воле выдает оскорбление типа «грязный плохой туалет», и совершенно другое, когда заимствует оскорбление «тупая задница» у человека.

Бонзи разговаривала с Селией, но теперь напряженно посмотрела на Исабель. На ее физиономии появилось выражение беспокойства.

«Улыбнись, обними, — показала она. — Бонзи любит гостя, поцелуй, поцелуй».

— Не волнуйся, Бонзи. Я на тебя не сержусь, — сказала Исабель, одновременно показывая слова жестами.

Она многозначительно посмотрела на Селию, а потом снова обратилась к Бонзи:

— Ты не хочешь досматривать кино?

«Хочу кофе».

— Ладно, могу тебе сделать.

«Хочу сладкий кофе. Исабель идет. Быстро дает».

Исабель рассмеялась и притворилась, будто обиделась.

— Тебе не нравится мой кофе?

Бонзи села на корточки и робко посмотрела на Исабель. Лола забралась ей на плечо и растерянно заморгала.

— Туше. Мне тоже не нравится, — сдалась Исабель. — Ты хочешь карамельный маккиато?

Бонзи возбужденно вскрикнула.

«Вкусно. Дает быстро».

— Хорошо. Хочешь сверху алтей? — спросила Исабель, используя термин бонобо для описания сладкой пены на кофе.

«Улыбка, улыбка, обнять, обнять».

Исабель перекинула влажное кухонное полотенце через плечо и вытерла все еще скользкие руки о бедра.

— Хочешь, я схожу? — вызвалась Селия.

— Конечно. Спасибо. А я пока тут закончу.

Предложение Селии было сюрпризом для Исабель, и, принимая во внимание головную боль, она была ей даже благодарна — формально смена интерна закончилась четверть часа назад.

Селия подождала, пока Исабель выстроит тележки вдоль стены, и тихонько кашлянула.

— Что? — спросила Исабель.

— Можно я возьму твою машину? Моя в магазине.

Тайна разгадана. Исабель чуть не рассмеялась. Селия хотела смотаться домой под конец вечера.

Исабель похлопала по карманам, пока не звякнула связка ключей.

«Сделай картинку», — сказала Бонзи.

— Не забудь видеокамеру, — напомнила Исабель и предельно точно перебрала ключи Селии. — Только точно закажи кофе. И не забудь про молоко.

Селия кивнула и поймала ключи.

Все бонобо, а Бонзи в особенности, любили смотреть видео, где люди выполняли их просьбы. Раньше бонобо в некоторых случаях выезжали вместе с сотрудниками лаборатории, но два года назад этому был положен конец. Тогда Бонзи вздумалось порулить, и машина чуть не врезалась в фонарный столб. Бонобо вдруг взяла и схватила за руль. Исабель успела затормозить до столкновения, но с дороги все же съехала. А меньше чем за неделю до этого, когда машина доктора Хьюза медленно ползла в очереди от окошка «Макдоналдса», шофер микроавтобуса, который маячил перед ними, углядел в зеркало заднего вида Мбонго, сидевшего на переднем сиденье с желанным чизбургером в руках. Через минуту и дети, и взрослые облепили машину доктора Хьюза и, пытаясь засунуть руки в окно, орали: «Обезьяна! Обезьяна!» Мбонго в результате нырнул под заднее сиденье, а доктор закрыл все окна в машине. Это был первый звонок, затем последовал водительский порыв Бонзи, и это уже был похоронный звон по выездам бонобо из лаборатории.

Бонобо тосковали по контактам с внешним миром (хотя, когда их спрашивали, они выражали абсолютную уверенность в том, что двойное электрическое ограждение игрового двора и ров за ним служат для того, чтобы не впускать к ним людей и кошек, а не наоборот), так что с некоторых пор Исабель и другие сотрудники приносили им внешний мир на видео. Владельцы местных магазинов не имели ничего против того, чтобы их снимали на радость соседям-обезьянам.

— Постарайся раздавить по пути парочку протестующих, — сказала Исабель.

— Снаружи сейчас никого, — ответила Селия.

— Неужели? — удивилась Исабель.

За воротами уже около года каждый день собиралась толпа манифестантов. Они не кричали, а просто держали плакаты, на которых было изображено, каким чудовищным процедурам подвергаются человекообразные обезьяны. Но поскольку протестующие явно не были в курсе, чем занимаются в лаборатории, Исабель старалась их игнорировать.

Селия открыла видеоискатель, щелкнула переключателем и проверила батарейки.

— Лари-Харри-Гари и фрик с зелеными волосами болтались там до обеда, но, когда я выходила покурить, их уже не было.

— Фрик с зелеными волосами? И это говорит девушка с ярко-розовой шевелюрой?

— Какой же это ярко-розовый, — возразила Селия и потерела эльфийский завиток возле уха. — Это фуксия. И я не имею ничего против цвета его волос. Я просто думаю, что он сам — жопа с ручкой.

— Селия! Придержи язык!

Исабель быстро оглянулась и с облегчением обнаружила, что Бонзи вернулась в комнату досматривать фильм и, стало быть, упустила шанс обогатить свой словарный запас.

— Тебе следует быть более осмотрительной. Выбирай выражения, я серьезно.

— А что такого? — Селия пожала плечами. — Они же меня не слышали.

Исабель поймала себя на том, что снова разглядывает Селию. Татуировки девушки одновременно завораживали и отталкивали. Обнаженные тела и русалки спускались по ее плечам, резвились на предплечьях, их волосы и грудь обвивали чешуйчатые конечности каких-то адских существ. То тут, то там были вытатуированы подковы и черепа с маргаритками в глазницах. И все это исполнено в красном, желтом, фиолетовом и могильном синезеленом тонах. Исабель была всего на восемь лет старше Селии, но ее собственный юношеский бунт ограничился тем, что она с головой зарылась в книги и постаралась как можно скорее умчаться подальше от дома на поезде образования.

— Ладно. Я отчаливаю, — заявила Селия и сунула под мышку видеокамеру.

Исабель вернулась к посуде. Через несколько секунд она услышала, как открылась входная дверь. Исабель резко развернулась и крикнула:

— Подожди! А у тебя есть права...

Дверь захлопнулась. Исабель какое-то время смотрела в сторону двери, потом взяла под мышку бутылочку с «Лубридермом» и пошла смотреть окончание фильма. Сэм уже вернул себе право владения мячом, а Мбонго в одиночестве дулся в своем гнезде. Он надел на плечи свой новый рюкзак, объем рюкзака выдавал отсутствие мяча. Мбонго ссутулился и скрестил руки на груди. Исабель присела рядом и положила руку ему на плечо.

— Сэм забрал свой мяч обратно? — спросила она.

Мбонго скорбно смотрел прямо перед собой.

— Тебя обнять? — спросила Исабель.

Сначала он не ответил, а потом быстро-быстро показал: «Целовать, обнять. Целовать, обнять».

Исабель подалась вперед, взяла голову Мбонго в руки и поцеловала его в сальный лоб, а потом расправила его длинные черные волосы.

— Бедный Мбонго, — сказала она и обняла его за плечи. — Вот что я тебе скажу, завтра я принесу тебе новый мяч. Только не таскай его в зубах. Ладно?

Бонобо перестал обиженно выпячивать губы, улыбнулся и с готовностью кивнул.

— Тебя помазать маслом? Дай-ка я проверю твои руки, — сказала Исабель.

Мбонго послушно протянул ей ладони. Исабель взяла одну его руку и провела пальцами по ладони. Несмотря на то что зимой увлажнители воздуха в лаборатории работали постоянно, он не шел ни в какое сравнение с воздухом в родном для бонобо бассейне реки Конго.

— Так я и думала, — сказала Исабель.

Она выдавила на ладонь шарик «Лубридерма» и втерла его в длинную и узкую кисть бонобо.

Все бонобо одновременно повернулись в сторону входной двери.

— Что такое? — удивилась Исабель.

«Гость», — показала Бонзи.

Остальные бонобо не двигались и смотрели в одном направлении.

— Нет, это не гость. Гости уехали. Гостей нет, — сказала Исабель.

Обезьяны продолжали смотреть в одну сторону. Волосы у Сэма встали дыбом. У Исабель возникло ощущение, будто у нее по шее и по голове забегали крохотные паучки, она встала и приглушила звук телевизора.

Наконец и она услышала тихое шуршание.

Сэм вытянул губы и закричал:

— Уав! Уав! Уав!

Бонзи подхватила Лолу под мышку. Из стены на разных уровнях выступали платформы. Бонзи свободной рукой ухватилась за пожарный шланг и запрыгнула на самую нижнюю. Макена прыгнула следом, она цеплялась за других самок и нервно улыбалась.

Шуршание прекратилось, но все — и человек, и обезьяны — продолжали смотреть в сторону коридора. Вскоре вместо шуршания послышалось тихое позвякивание. Сэм настороженно раздул ноздри, повернулся к Исабель и показал: «Гость, дым».

— Нет, это не гость. Это, наверное, Селия, — сказала Исабель, но тревогу в голосе ей скрыть не удалось.

Селия не успела бы за такое короткое время купить кофе и вернуться. Кроме того, Селии незачем было возиться у дверей, она бы сразу вошла. Сэм встал на задние лапы.

Самки перебрались выше и прижались спиной к стене. Мбонго и Джелани на четырех лапах выскочили из комнаты и скрылись за углом.

Исабель прошла за перегородку, которая отделяла внутреннее помещение бонобо от остальной лаборатории, остановилась и убедилась, что дверь за ней закрылась. За восемь